## Имена и фамилии в русской литературе

## Антропонимы в повести А.С. Пушкина "Выстрел"

©Г. Ф. КОВАЛЕВ, доктор филологических наук

В повести "Выстрел" обозначено всего лишь несколько персонажей: Сильвио, слуга его Кузька, графиня  $E^{***}$ , ключница рассказчика Кирилловна, молодой офицер  $P^{***}$ . Без имени остаются соперник Сильвио и рассказчик, имя которого мы узнаем только из примечания (подполковник U.Л.П.). Однако если сравнить "И.Л.П." и, с некоторой перестановкой, инициалы кишиневского знакомого и друга поэта, блестяще образованного офицера U.П. Липранди - "И.П.Л.", то становится ясным протооним. Действующих же лиц в повести всего три: Сильвио, его соперник и жена соперника, так и не поименованные рассказчиком (Пушкиным!).

В.В. Виноградов сопоставлял героя А.С. Пушкина с романтическими героями Бестужева-Марлинского: "Сильвио – сродни героям Бестужева-Марлинского. Но в реалистическом освещении он выглядит иначе, жизненнее и сложнее" [1]. Однако большинство ученых прототипом Сильвио считают колоритную фигуру того же И.П. Липранди, бретера и дуэлянта, хорошего знакомого А.С. Пушкина по южной ссылке. Одним из первых указал на И.П. Липранди, как на прототип Сильвио, П.И. Бартенев [2]. Именно с И.П. Липранди был случай с "отложенной" дуэлью [3]. Жизнь показала реальность сюжета Пушкина. Почти по его сценарию происходила такая же отложенная дуэль А.И. Якубовича с А.С. Грибоедовым – только после свадьбы поэта и Нины Чавчавадзе состоялся окончательный поединок, в котором автор "Горя от ума" был ранен в руку.

Правда, Ю.В. Доманский полагает, что и сюжет, и тип Сильвио сначала был придуман Пушкиным и лишь потом "совпал" с И.П. Липранди: "...эту историю мог бы рассказать Липранди, но не рассказал ее. А Пушкин уже после создания художественного образа вспомнил своего приятеля" [4. С. 152]. Нет нужды говорить о натянутости и искусственности такой гипотезы.

Далее тот же автор говорит: «Аналогичным образом могли появиться в "Выстреле" имена Сильвио и графа  $E^{***}$ . Оба персонажа по своим именам соотносимы с Броглио (граф  $E^{***}$ ), что очевидно» (Там же). И, конечно же, это предположение литературоведа далеко не

очевидно. Впрочем, и сам Ю.В. Доманский ранее оговаривается: «...очевидных указаний на то, что тот или иной пушкинский современник стал прототипом того или иного персонажа в "Повестях Белкина" нет» [4. С.152]. Думается, что даже в этой оговорке литературовед не прав: видимо, именно наличие легко узнаваемых современниками прототипов и заставило Пушкина скрываться под псевдонимом Белкин.

Рассказчик называет Сильвио лишь условно: "... Сильвио (так назову его)..." – фраза, вскользь брошенная рассказчиком подполковником И.Л.П. Весьма странным даже для многонациональной России кажется имя Сильвио (как, впрочем, и Липранди!). Поэтому автор был вынужден сказать: "...он казался русским, а носил иностранное имя".

А вот был ли именной прототип Сильвио? А.Б. Криницын полагает, что имя это Пушкин почерпнул из романа французского писателя Жюля Жанена "Мертвый осел и гильотинированная женщина" (1829): «О прочной внедренности романов Жанена в художественный кругозор Пушкина свидетельствует, в частности, и то, что он заимствовал для своего "Выстрела" редкое имя Сильвио из "Мертвого осла" <...>» [5].

Однако в эпоху А.С. Пушкина был известен журналист Сильвио Пеллико (1789–1854). Судьба его интересна – за близость к карбонариям он отсидел 10 лет в австрийской тюрьме. О нем вспоминал декабрист А.П. Беляев: "<...> много также нашему либерализму содействовали и внешние события, как то: движение карбонариев, заключение Сильвио Пеллико Австрией <...>" [6]. О том, каким образом имя Сильвио Пеллико дошло до Пушкина, писал И.И. Панаев. В своих воспоминаниях он сообщал, что его приятель С.Н. Дирин приходился дальним родственником В. Кюхельбекеру, а поскольку тот в каждом письме упоминал А.С. Пушкина, то он носил читать Пушкину письма Кюхельбекера. «Дирин занимался тогда переводом книжки Сильвио Пеллико "Об обязанностях человека" и сообщил об этом Пушкину, который одобрил его мысль и обещал ему даже написать предисловие к его переводу» [7]. Однако, пишет Панаев: «Пушкин, вместо обещанного предисловия, напечатал в 3 № своего "Современника" краткий взгляд на сочинения Сильвио Пеллико, и Дирин перепечатал этот отзыв в вступлении к своему переводу» [Там же. В сноске].

И гораздо позднее, в 1892 году, когда работа Сильвио Пеллико была вновь издана, обозреватель журнала "Образование" с восторгом писал: "Имя итальянского автора этой высоко-нравственной и замечательной книги, Сильвио Пеллико, почти забыто у нас. Да и прежде чем быть забытым, оно было мало известно. Однако эта книга в свое время обратила на себя особенное внимание таких людей, которые умели ценить истинно-высокое и прекрасное; например, знаменитый наш словесник Шевырев..." (Образование. 1892. № 2. С. 190). Подробнее о прототипе пушкинского Сильвио можно прочитать у М. Искрина [8].

Для создания так называемого "гусарского" колорита Пушкин вводит в именник повести фамилию *Бурцов*: "Мы хвастались пьянством: я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым..." – говорит Сильвио.

А.П. Бурцов – "образцовый" гусар-легенда, любитель выпить, отчаянный смельчак и забияка, служивший в Белорусском гусарском полку и сложивший свою буйную голову в 1812 г. Он был прославлен в стихах поэта-партизана Дениса Давыдова:

Бурцов, брат, что за раздолье! Пунш жестокий!.. Хор гремит! Бурцов, пью твое здоровье...

("Гусарский пир").

## Литература

- 1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 575.
- 2. Бартенев П.И. О Пушкине. М., 1992. С. 192.
- 3. Гроссман Л.П. Цех пера. М., 2000. С. 463-490.
- 4. Доманский Ю.В. Подполковник И.Л.П., Сильвио, граф Б\*\*\*: особенности антропонимики "Выстрела" // Язык Пушкина. Пушкин и Андерсен: поэтика, философия, история литературной сказки. СПб., 2003.
- 5. Криницын А.Б. Пушкин и Жюль Жанен // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 8. С. 37.
- б. *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882. С. 154.
- 7. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 39.
- 8. Искрин М. Загадочный Сильвио // Шпион. 1995. № 7. С. 68–72.

Воронеж